

Куклачев Ю.

1987, 21/X

250

В ПОСЛЕДНЕЕ время о цирке столько статей написано — сосчитать трудно! И все — сверхпроблемные! О взяточниках-руководителях, например. Об отсутствии техники безопасности и, как следствие, пугающе высоком проценте смертельных случаев. О вконец разболтанной ветеринарной службе и горе-дрессировщиках, слабо отличающих слона от бегемота. О непрофессионалах-начальниках и клезуниках-подчиненных. О всякого рода ЧП во время зарубежных гастролей. И так далее, и так далее — скучно перечислять...

Предвижу запальчивое: разве в этих статьях все неверно? Разве их авторы не болеют душой за цирковое бессмертное дело? Разве ладно все в цирковом королевстве?..

Отвечу по порядку: многое верно, еще как болеют; далеко не все ладно. Более того, добавлю и от себя: советский цирк — с его шестью тысячами артистов и невесть каким количеством управленческого аппарата! — напоминает мне многонаселенную коммунальную квартиру, жители которой давным-давно разделились на враждующие лагеря, вовсю склочничают, высыпают в соседские кастрюли с борщом соль, сахар и порошок от тараканов, пишут друг на друга в разные высокие инстанции, исключая, пожалуй, Организацию Объединенных Наций, да и то потому, что не овладели иностранными языками.

К слову, об эпистолярном жанре. Похоже, он стал любимым в цирковой среде. Прошу прощения за плагиат, но лучше не скажешь: письма пишут разные, слезные, болезненные, иногда прекрасные, чаще бесполезные. Так это, так, прав поэт, хотя и прекрасные письма — толковые, деловые, с конкретными и конструктивными предложениями — частенько оказываются бесполезными, поскольку попадают в руки ленивых чиновников, для кого слово «работа» давно стало синонимом слова «каторга». Эти чиновники куда выше ценят иную категорию писем, авторы которой клеймят, обличают, вскрывают, обращают внимание и, к слову, частенько забывают поставить в конце собственную

фамилию. Такие письма чиновник легко «распишет» (термин позаимствован из конторской практики) в партком, в местком, в профбюро: проверить факты, поставить вопросы, проработать проблемы. И закрутится бюрократическое «колесо обозрения», прочно прописавшееся в цирковой конторе.

(Да что я, право: разве только в цирковой?.. А в театральной? А в эстрадной? А в музыкальной?.. Везде, везде... Но я-то — о цирке...)

Печально, но факт: дело, творчество, искусство в последние годы потихоньку стали подменяться в цирковой среде видимостью дела, «делопроизводством», пы-

нуть. Только вместе. Только всем миром. В дальние-предальные годы, когда все у нас в стране было лучшим в мире, кто-то из оптимистов и о цирке такое заявил: мол, и он лучший. Бодрое заявление это сразу стало аксиомой, то есть истинной, не требующей доказательств. Но шли годы, оптимизма у нас поубавилось, и сегодня ясно, что никакая это не аксиома, а в крайнем случае теорема, которую надо доказывать изо дня в день, из репетиции в репетицию, из представления в представление. А когда доказывать и кому доказывать, если «весь мир» одержим желанием «свалить» неугодного Карижского, если в желании этом никто не брезгу-

тисловое важное. Главное в их непростой работенке.

Юный клоун Володя Плугатарь спрашивает у легендарного силового жонглера Валентина Дикуля:

— Сколько вы поднимаете за одну репетицию?

— Около десяти тонн, — отвечает Дикуль.

— Так много! — клоунски изумляется Плугатарь, бродящий по манежу в поисках ответа: в чем счастье артиста? — Ради чего?

— Ради улыбки, — чуть усмехается в бороду могучий Дикуль. — Ради того, что-

В защиту банальных истин

Инт. газ. 1987, 21 окт. - с. 8.

ными разговорами о творчестве и — как результат — многотомным бумаготворчеством, искусством склок и интриг. И вот наконец-то в череде помянутых статей — верных, нужных, опять-таки не отрицаю! — прозвучало долгожданное и единственно верное сегодня предложение: пора работать! Пора прекратить выяснять отношения мериться силами, бороться за власть. Пора и о деле вспомнить. Которое, к слову, всегда всех объединяло. Имя этому делу — цирк.

Сказал это со страниц «Правды» человек, в котором многие цирковые деятели хотят сегодня видеть средоточие всех бед своего искусства. — генеральный директор Союзгосцирка В. Г. Карижский. Не скрою, и я не раз критиковал его печатно и устно: за не всегда проявляемое умение довести до победы правое дело; за излишнюю робость в борьбе с крикунами и бездельниками; за то, что окружил себя горе-помощниками, не желаящими палец о палец ударить, а сам, естественно, не справляется в одиночку с великим возом проблем, о коих справедливо радуют авторы статей. Но, критикуя, я всегда видел в нем руководителя, истово болеющего за порученное партийное дело — дело, которое повторяю, в одиночку с места не сдви-

жет откровенной клеветой, заушничеством, наговорами! Если этим одержимым в пору припомнить давний, историей осужденный лозунг: «В борьбе обрешь ты право свое», — поскольку они, «всем миром» навалившись на Карижского, борются за право жить беспечно, не напрягаясь, почитать на однажды завоеванных лаврах, козырять потускневшими наградами и потертыми на губах рецензиями в периферийных газетах — сомнительное право, на которое неосторожно посягнул не принявший болотный покой генеральный директор Союзгосцирка...

Но странное дело: в цирковой коммунальной квартире прописаны, оказывается, люди, которые «творили, выдумывали, пробовали» и без помянутого выше призыва работать. Они получали высшие награды на международных цирковых конкурсах. Они придумывали новые — новаторские! — номера и аттракционы и репетировали их потихоньку, покупая реквизит и костюмы за собственные деньги. Они шли на риск и, как правило, выигрывали, потому что работали не для чиновников, а для зрителей. Другой вопрос: что выигрывали? Аплодисменты, смех, восхищение, восторг зрителей — нечто эфемерное, но бесконечно для этих ар-

териали веры в себя, наш цирк будет лучшим в мире. Это мое личное мнение, никому его не собираюсь навязывать. А желание поведать о нем «городу и миру» возникло у меня как раз после премьеры спектакля в цирке на Ленинских горах — спектакля, давно придуманного веселым и неугомонным клоуном Юрием Куклачевым, куда как знаменитым клоуном: весь мир — без преувеличения! — знает его самого и его кошачью команду.

Помню, года четыре назад он подошел ко мне за кулисами цирка, сказал обиженным:

— Вот вы меня ругаете, критикуете, а я возьму и все изменю. Что тогда?

— Что именно собираетесь изменить? — спросил я.

— Все! Костюм. Маску. Репертуар. Думаете, слабо?

— Думаю, слабо, — честно сказал я, потому что именно так и думал. Потому что ни на секунду не поверил артисту, достигшему, повторяю, немалой славы, нашедшему точный и смешной образ (а это ох как нелегко!), запросто могущему до пенсии почитать на лаврах, что, кстати, большинство коверных клоунов и делает.

ное, добрым. Не достоинства или же просчеты спектакля заставили меня сочинить эти заметки, но лишь то, что сделан он — придуман, сработан, поставлен, сыгран! — людьми, которые по-прежнему твердо верят в давнюю банальную истину, кого не нужно убеждать работать — они своей работой сами в том когочь убедят.

Да, Куклачеву удалось сколотить коллектив единомышленников — таких же сумасшедших, одержимых работой людей, как и он сам. Знаю, что он давно обивает начальственные пороги, убеждая перевести коллектив на хозрасчет; все подсчитал, взвесил, примерил. Сам уверен: получится. Честно говоря, не понимаю: почему за теми порогами кто-то сопротивляется? Театр легко пошел на эксперимент, что ж цирку-то отстаивать?..

Цирку отстаивать ни в чем негоже. Пусть досужие искусствоведы гадают: что же такое цирк? Зрелище? Ремесло? Или все же искусство?.. Для Юрия Куклачева и его соратников определения не слишком важны. Они твердо знают, что их цирк — это их жизнь. А как там сказано в хорошей книге: надо прожить жизнь так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы... Применительно к цирку что значит «бесцельно»? По-моему, выпустить в юности номер или аттракцион и дожить до старости, ничего в нем не изменив, изо дня в день выходя на манеж с однажды заученными жестами, улыбками, трюками. По-моему, живя по инерции, без поиска и риска, тем не менее требовать себе званий, наград, ставок, поездок в америки и японии. По-моему, хождение по инстанциям с бесконечными жалобами на всех и вся: там-де меня не поняли, тут не оценили, здесь недovesили или обсчитали, эпитетом обошли. Все это, на мой сторонний взгляд, весьма бесцельно. Все это бесцельно и на взгляд Карижского, требующего, призывающего, умоляющего: давайте работать, товарищи!

А вот посмотреть однажды на себя со стороны и решить: «а я возьму и все изменю, что тогда»? У многих ли хватит решимости, характера, сил? У многих ли останется самокритичности? У Куклачева достало, сватило, и он сегодня — победитель. В финале спектакля он снимает свой дурацкий колпачок и низко кланяется зрителям: спасибо, что пришли, спасибо, что не обсчитали, наоборот — смеялись, в ладоши хлопали, спасибо!

Ему спасибо! За то, что верит в искусство цирка. За то, что работой своей, судьбой своей доказывает: лучший он в мире, наш цирк, самый лучший, не зря теорема!

Б. ЗЕРНОВ

— Посмотрим, — упрямо бросил Куклачев.

На том и расстались. А сегодня, четыре года спустя, прошу у Юры прощения за то, что тогда не поверил ему, не поверил даже не в силы его — в не очень свойственное цирку умение преодолеть инерцию однажды достигнутого, наработанного, привычного. В истовость его не поверил. Проталант знал, про характер даже и не ведал...

Посмотрим, бросил Куклачев на прощание, а сегодня и впрямь есть на что и на кого посмотреть. В спектакле «Цирк берет интервью» мы увидели вроде бы того же клоуна Юру — да не того вовсе: умнее прежнего, интеллигентнее, добрее и одновременно жестче. Куда более страстного, публицистичного, граждански зрелого. Но по-прежнему — смешного! Он меня ни в чем не обманул: поменял и костюм, и маску, и почти весь репертуар, оставив от старого лишь то, что может работать на идею спектакля. Я не стану сейчас подробно оценивать спектакль, отмечу лишь, что он в целом удачно поставлен пришедшим в цирк кинорежиссером и художником Георгием Юнгвальд-Хилькевичем и народным артистом РСФСР Леонидом Костюком, получился ярким, темповым, веселым и, глав-

бы зрители улыбнулись, чтобы им радоваться доставить...

Пусть простят меня авторы спектакля «Цирк берет интервью», идущего сейчас на московском манеже, за вольность цитирования: я постарался передать суть диалога, она мне важна. Она чертовски важна для цирка — эта нехитрая суть, потому что его искусство существует не для Министерства культуры, не для Союзгосцирка, не ради персональных ставок, званий, зарубежных гастролей, даже не ради наград на престижных мировых фестивалях. Для зрителей оно существует. Банальнейшая, конечно, истина, но коли истина — почему забыли ее?..

А Дикуль не забыл. И тот же Володя Плугатарь отлично помнит: за два года, как закончил цирковое училище, он вырос очень заметно, как артист вырос. И обе они прозносятся не слишком складный текст достаточно убедительно, поскольку на собственном опыте проверили его суть. И поверили в нее.

Я пишу эти заметки о поверивших. О тех, кто никогда не забывал названную мной банальную истину, для кого она банальной не стала. Пока эти люди существуют, пока они работают, «пашут» по шестнадцать часов в сутки, пока они не по-